

Е. В. Беляева

УДК 172

Цифровое общество и возможности его этического регулирования

Аннотация. Электронно-цифровое опосредование любых социальных отношений оказывается источником новых ситуаций морального выбора, требующих поддержки со стороны этики. Прикладная этика цифрового мира, во-первых, должна опираться на функционирование действенных социальных институтов. Во-вторых, она должна быть междисциплинарной, соединяющей биоэтику, инженерную этику, этику бизнеса и политическую этику в единый комплекс. В-третьих, возможности этического регулирования цифрового общества связаны с концепцией прав человека, которая должна быть переосмыслена, исходя из нового понимания природы человека в таком обществе.

Ключевые слова: цифровое общество, права человека, конфиденциальность, достоинство человека, справедливость.

Новейшее определение, которое дается обществу будущего – цифровое общество. Оно рассматривается как результат реализации концепции информационного общества, однако его специфика требует описания, осмысления и этического регулирования. Отличие нового этапа состоит в том, что специфику информационного общества составляла изменившаяся роль информации как в сфере материальной деятельности, так и в области человеческих отношений и духовной жизни. Для цифрового же общества ключевой характеристикой становится не сама информация, а электронно-цифровой способ ее хранения и распространения, электронно-цифровое опосредование любых социальных отношений. Это, казалось бы, техническое изменение повлечет за собой радикальное преобразование не только общественного, но и нравственного пространства. Пропагандисты цифрового мира (например, в программе развития цифровой экономики в России до 2035 г. [6]) описывают потрясающие возможности интернета вещей, аргументированной экономики, искусственного интеллекта, электронного правительства; видят в нем новые возможности для свободного творчества человека и полагают наступление такого мира неизбежным. В то же время, наученные горьким опытом предыдущих технических инноваций, многие авторы предупреждают о возможных негативных социальных и нравственных последствиях дигитализации мира. К их числу относится новый тотали-

таризм (ибо в системе больших данных (Big Data) возможности слежки, цензуры, контроля становятся практически безграничными) и новое рабовладение (так как произойдет жесткое социальное расслоение на тех, кто будет причастен к новым технологиям, и тех, кто окажется из них исключенным). Эта полемика свидетельствует о том, что сущность цифрового общества не predetermined его техническими характеристиками, а является предметом выбора социальных субъектов, которые закрепляют свои решения с помощью политических, правовых и этических инструментов. Вопрос в том, какого рода прикладная этика может оказаться эффективной для этического регулирования в новых условиях.

Существование прикладной этики обусловлено не только новыми проблемами, возникшими перед человечеством в XX веке, оно тесно связано с функционированием определенного типа демократических общественных механизмов. Как в основе общественного устройства современного общества, так и в основе постулатов всех видов прикладной этики лежит концепция прав человека, сформулированная в 1948 г. Реализация концепции была призвана защитить новые поколения как от войны, так и от тоталитаризма. Общественные институты западного общества формировались таким образом, чтобы обеспечивать эти права. Несмотря на то, что концепция прав человека подвергалась критике за то, что она содержит исключительно западное понимание как человека, так и его прав, она до сих пор остается основой этических программ как в области социальных отношений, так и в области высоких технологий. «Эта декларация стала не только правильным этическим и политическим ответом на злодеяния Второй мировой войны, но и исходной точкой международной политики нового типа, основанной на единых этических ценностях и принципах, для преодоления вызовов мира цифровой глобализации», – пишет Р. Капурро в статье «Цифровая этика» [10].

Прикладные этические проблемы, возникающие как следствие появления все новых технологий (компьютеров, интернета, био- или нанотехнологий), разрешаются, исходя из общих принципов Всеобщей декларации прав человека 1948 г. Ключевыми ее принципами можно считать принцип приоритета прав личности по отношению к интересам любой общественной группы и принцип равенства между людьми, независимо от любых их биологических или социальных характеристик. Соответственно в цифровом мире предполагается, с одной стороны, обеспечить равный доступ к его благам, а с другой – защитить каждого отдельного человека и его многочисленные права, которые рассматриваются как высшее достижение современной цивилизации. Кодекс этики для информационного общества [2], приня-

тый ЮНЕСКО в 2011 г., концентрируется, преимущественно на доступности интернета и информационно-компьютерных технологий, полагая их социальным благом и новым правом человека. Только 3 статьи из 18-ти посвящены предотвращению киберпреступности, злоумышленного использования информационно-компьютерных технологий, защите персональных данных и частной жизни, а также предотвращению нарушений прав человека в интернете. Как нарушение, так и защита прав человека перемещаются в виртуальный мир, в котором человек предстает как «цифровая личность». Государство, экономику и даже медицину будет все более интересоваться именно она, а не физическое лицо и его физическое тело. В этой ситуации изменится как содержание, так и способ обеспечения прав человека. Список политических, экономических и культурных прав дополняется цифровыми правами, которые представлены, например, в Хартии цифровых прав [11], разработанной международной общественной организацией European Digital Rights. Важно то, что для осуществления этих прав необходимо уже на стадии разработки программного продукта предвидеть и предотвращать возможные этические проблемы. Как говорил Р. М. Столмен в своей лекции «Свободное цифровое общество»: «свободные программы – это программы, которые уважают свободу пользователей» [7], предотвращая таким образом наступление «цифрового ГУЛАГа». Для этого в 2018 году Гарвардский, Массачусетский и Техасский университеты открыли курсы этики для программистов, на которых будут обсуждаться проблемы искусственного интеллекта, автономных устройств, приватность и гражданские права в цифровую эпоху [5].

Одной из областей общественной жизни, в которых дигитализация распространяется достаточно быстро, оказалась медицина. Биомедицинская этика, проделавшая с момента своего возникновения огромный путь, становится все более актуальной, воспринимая новые вызовы и угрозы со стороны научно-технического прогресса. Одной из таких угроз, требующей адекватного этического ответа, является возникновение цифровой медицины, которая предлагает принципиально новые способы диагностики и лечения, формы взаимодействия врачей с пациентами и коллегами, организацию лечения и восстановления здоровья. «Цифровую медицину можно разделить на три больших направления. Первое – это все, что связано с расшифровкой генома. Второе течение – это все, что связано с информацией и взаимодействием медицинских специалистов между собой, а также с пациентом. Третье глобальное течение в рамках цифровой медицины – это все то, что связано с биосенсорами, датчиками и гаджетами, позволяющими человеку контролировать состояние сво-

его организма» [9, 9]. Таким образом, новый этап этического регулирования требует работы не только с достижениями биологии и медицины, но и с достижениями компьютерных технологий, вторгающихся в самую интимную для человека область – его здоровье.

Этическое регулирование цифровой медицины также должно опираться на концепцию прав человека и происходить в строгом соответствии с Конвенцией по правам человека и биомедицине (Конвенцией Овьедо). При этом положения конвенции должны быть дополнены рядом положений, защищающих права человека в цифровую эпоху. Игнорирование этического аспекта цифровой медицины может привести к вопиющему нарушению зафиксированных в конвенции прав.

Во-первых, речь идет о принципе конфиденциальности. Статья 10 гласит: «Каждый человек имеет право на уважение своей частной жизни, в том числе и тогда, когда это касается сведений о его здоровье» [3]. Цифровая же медицина, накапливая и централизуя информацию о здоровье каждого человека, становится потенциальным источником бесконечных злоупотреблений. Тот, в чьих руках будет находиться эта информация, будь то государства с их спецслужбами или бизнес-структуры с их стремлением получать прибыль, получит безграничную власть в важнейшей для человека сфере жизни. В докладе израильского военного историка, Ю.Н. Харари, на форуме в Давосе (январь 2018 г.) содержались шокирующие предупреждения о «цифровой диктатуре», которая может возникнуть в результате концентрации информации в единых центрах. Тем более информации о здоровье. «Когда компьютеры начнут отслеживать не только наши электронные письма, сообщения и деньги, но и наши тела, уязвимость каждого отдельного человека возрастет.... Когда вы объединяете революцию в информационных технологиях с революцией в биотехнологии, вы получаете возможность взломать людей» [8].

Во-вторых, согласно статье 3 Конвенции Овьедо, нравственным требованием является равная доступность медицинской помощи, справедливость в распределении медицинских ресурсов. Вопрос же о доступности цифровой медицины остается открытым. Как уже показала работа с биоэтической и экологической проблематикой, при возникновении любого распределяемого ресурса, он в первую очередь достается тем, кто и без того имеет социальные преимущества, и не достигает тех, кто лишен как благосостояния, так и здоровья. Цифровая медицина вполне может оказаться еще одним способом сегрегации людей, а потому проблема социальной справедливости в цифровом обществе требует новой постановки и решения. Кроме того, после принятия политических решений о введении цифровой ме-

дицины становится затруднительным получение медицинской помощи другим путем, возможность общения с системой здравоохранения ставится в зависимость от степени компьютерной грамотности человека и его доступа к сети. Как показывают исследования, интернет в несколько раз более доступен в странах постиндустриального мира по сравнению со странами «третьего мира». Он является миром новых возможностей для молодого поколения «цифровых аборигенов» и оказывается миром непреодолимых препятствий для «цифровых иммигрантов» старшего возраста.

В-третьих, главной ценностью, согласно Конвенции Овьедо, является достоинство человека и целостность его личности (статья 1). В этом плане оптимистически настроенные медики считают, что цифровая медицина может рассматриваться как высокоточная и индивидуализированная, т. е. в наибольшей степени отвечающая установкам конвенции [9, 5]. Однако возможны и противоположные процессы отчуждения человека в цифровой среде, в которой медицина работает не столько с живым существом, сколько с цифровой личностью, с человеком, представленным как совокупность данных. Дистанционное лечение при всей его оперативности и индивидуальности рискует абстрагироваться от реальных страданий пациента, превратиться в лечение абстракции, а не человека. Цифровая телемедицина отодвигает пациента от врача, что на практике вполне может приводить к невозможности «достучаться» до системы здравоохранения, в которой нет людей, в которой на любой вопрос пациенту отвечает компьютер. Медицина как сфера общественной деятельности имеет дело не с параметрами и показателями, а со здоровьем человека, сохранение которого требует не технической, а человеческой, в т.ч. нравственной, поддержки. Поэтому у человека должно сохраняться право на «человеческую медицину», на помощь людей.

В-четвертых, статья 21 Конвенции гласит, что «тело человека и его части не должны в качестве таковых являться источником получения финансовой выгоды» [3], соответственно главной целью цифровой медицины не должна становиться прибыль. Оптимизм в отношении цифровой медицины питают не столько медики, которые с определенной осторожностью высказываются относительно перспектив цифровой медицины в их практике [4], сколько разработчики медицинских информационных технологий, а в большей степени – бизнес-круги, видящие в этой области необозримые возможности извлечения прибыли. Сталкиваясь с сопротивлением заказчика в лице медицинских учреждений, они расценивают его как косную «неготовность к изменениям», «нежелание менять стереотипы». При этом они уверены, что рынок возьмет свое, технологии неизбежно будут внедрены,

а прибыль получена. «Большим препятствием для быстрого развития [цифровой медицины] выступают законодательные и этические ограничения... Однако очевидно, что в ближайшем будущем многие вопросы будут урегулированы» [1, 9].

В связи с этим нужен строжайший законодательно предписанный контроль за всеми аспектами бизнеса в сфере цифровой медицины. Сама по себе цифровая медицина заботится не о больном, а о прибыли производителей и продавцов медицинских информационных технологий. С точки зрения социальной справедливости необходимо было бы обязать всех, кто получает прибыль от цифровой медицины, делать значительные отчисления на развитие деятельности всех тех, чья непосредственная забота обеспечивает выздоровление пациента: медицинских сестер, нянечек, сиделок, социальных работников, массажистов и т. п. Цифровая медицина должна не заменить врача, а повысить его статус, поскольку только он может заботиться о благе пациента; ведь определения «блага» и «заботы» не могут быть оцифрованы.

Основные права человека в области биомедицины, зафиксированные в Конвенции Овьедо – право на целостность личности и человеческое достоинство, право на конфиденциальность информации о своем здоровье, право на равную доступность медицинской помощи – должны безусловно соблюдаться в области цифровой медицины. Недопустимо ее превращение из области заботы о человеческом здоровье в сферу извлечения прибыли из здоровья человека.

Функцию нравственного регулирования проблем цифровой медицины берут на себя социальные институты, традиционно обеспечивающие права человека в биомедицине, в том числе комитеты по биоэтике. При этом происходит сращивание этики инженера, занимающегося разработкой программных продуктов в области цифровой медицины, и этики врача, который призван их применять. Соединение биомедицинской этики с цифровой этикой не лишено противоречий, кроме того, обе они должны взаимодействовать с этикой бизнеса и ее институтами, так как характерной чертой цифровой медицины оказывается коммерциализация взаимодействия человека – с системой здравоохранения и системы здравоохранения – с обществом, коммерциализация всего информационного пространства.

Эра цифровой медицины – это ситуация, принципиально отличная от предыдущего этапа информационного общества, где прикладная этика касалась, по преимуществу, профессионалов сферы информационных технологий и через их посредство – всех остальных людей. Сейчас профессиональная этика должна взаимодейство-

вать с другими видами прикладной этики в тех областях, где деятельность профессионалов затрагивает все общество.

Ответ на вопрос, о реалистичности притязаний прикладной этики на освоение новых ситуаций морального выбора, связанных в дигитализацией общества, зависит от ее способности выполнять свою функцию самоорганизации сообществ, занимающихся определенной деятельностью. Сообщества же эти со времен Аристотеля организованы политически, поэтому функционирование цифрового общества предполагает соответствующее преобразование властных отношений. Цифровое общество – по определению – является сетевым, а в сетевой структуре контроль изменяет свою направленность: все следят за всеми. В результате опасность тоталитаризма исходит как от авторитарных правительств, так и от трансконтинентальных корпораций, следящих за каждым шагом пользователя с целью собственного обогащения. Однако граждане также имеют возможность отслеживать разнообразные события, оказывать влияние и осуществлять контроль, создавая демократию цифрового мира. То, как может быть действенной прикладная этика, зависит от нового устройства политического и социального пространства. Как отмечают члены Сретенского клуба им. С.П. Курдюмова: «Сегодня встает вопрос не только о биоэтической экспертизе, но и о социальной экспертной оценке перспектив информационных технологий, где запреты и рекомендации будут обращены уже не на промышленные корпорации и рынки, а непосредственно к власти и обществу» [1, 25].

Итак, электронно-цифровое опосредование любых социальных отношений оказывается источником новых ситуаций морального выбора, требующих поддержки со стороны этики. Прикладная этика цифрового мира, во-первых, должна опираться на функционирование действенных социальных институтов. Поскольку взаимодействие становится все более анонимным и, главное, системным, то этичность поведения электронных устройств по отношению к человеку – это не вопрос личного морального выбора конкретного человека, а вопрос организации сети, «нравственности программного обеспечения». Во-вторых, она должна подняться на новый уровень междисциплинарности, соединяя биоэтику, инженерную этику, этику бизнеса и политическую этику в единый непротиворечивый комплекс. В-третьих, реализация этического в цифровом мире предполагает переосмысление концепции прав человека, которая до сих пор лежит в основе этического осмысления любой тематики в сфере высоких технологий. Человек вплотную подошел к способности изменять свою природу, саму сущность человеческого, направляя ее к антропологической катастрофе, перспективе трансгуманизма или (как

предлагается в последнем докладе Римского клуба) к Новому Просвещению. Концепции прав человека может оказаться недостаточно для этического регулирования в цифровом обществе. Поэтому прикладная этика, безусловно, должна прояснить свой общественный статус и способы реализации в новых областях, ощутить способность к самопреобразованию в меняющемся мире.

Список литературы

1. Введение в «цифровую» экономику / А.В. Кешелава, В.Г. Буданов, В.Ю. Румянцев и др.; под общ. ред. А. В. Кешелава; гл. «цифр.» конс. И. А. Зимненко. М. : ВНИИГеосистем, 2017. 28 с.
2. Кодекс этики для информационного общества. Париж, 2011 [Электронный ресурс] // UNESCO: [сайт]. [2002]. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0021/002126/212696r.pdf> (дата обращения: 26.04.2018).
3. Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS № 164) (Заключена в г. Овьедо 04.04.1997) (с изм. от 27.11.2008) [Электронный ресурс] // University of Minnesota. Human rights library: [сайт]. [2012]. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/euro/Rz37.html/> (дата обращения: 26.02.2018).
4. Кубрик Я.Ю. Информированность медицинского сообщества о цифровой медицине / Я.Ю. Кубрик // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения. 2017. № 2(4). С. 28–32.
5. Новая этика: [сайт]. [2017]. URL: <https://etika.nplus1.ru/programmer/sluchai> (дата обращения: 23.04.2018).
6. Развитие цифровой экономики в России: программа до 2035 года [Электронный ресурс] // Сайт С. П. Курдюмова: [сайт]. [2001]. URL: <http://spkurdyumov.ru/uploads/2017/05/strategy.pdf> (дата обращения: 20.04.2018).
7. Столмен Р.М. Свободное цифровое общество [Электронный ресурс] // Операционная система GNU: [сайт]. [2015]. URL: <https://www.gnu.org/philosophy/free-digital-society.ru.html> (дата обращения: 20.04.2018).
8. Харари Ю.Н. Большинство людей не осознают, что происходит [Электронный ресурс] // Буквы: [сайт]. [2016]. URL: <https://bykvy.com/bukvy/84181-bolshinstvo-lyudej-ne-osoznayut-cto-proiskhodit-rech-izrailskogo-istorika-v-davose> (дата обращения: 26.02.2018).

9. Щербо С.Н., Щербо Д.С. Медицина 5П: прецизионная медицина // Медицинский алфавит. 2015. №18. Т. 4. Современная лаборатория. С. 5–10.

10. *Sapurro R. Digital ethics* // Введение в «цифровую» экономику / А. В. Кешелава, В.Г. Буданов, В.Ю. Румянцев и др.; под общ. ред. А. В. Кешелава; гл. «цифр.» конс. И. А. Зимненко. М. : ВНИИГеосистем, 2017. 28 с.

11. Кодекс этики для информационного общества. Париж, 2011 [Электронный ресурс] // UNESCO: [сайт]. [2002]. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0021/002126/212696r.pdf> (дата обращения: 26.04.2018).